

УДК: 94(460).02

DOI: 10.25629/НС.2023.05.04

КРЕДИТНЫЕ СПОРЫ В АВИЛЕ 1477 Г. В КОНТЕКСТЕ ДОЛГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ ИУДЕЕВ И ХРИСТИАН В КАСТИЛИИ XV ВЕКА

Билецкая И.В.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

АННОТАЦИЯ

Настоящая статья посвящена изучению проблемы долговых отношений иудеев и христиан в Кастилии в конце XV века на примере долговых споров, которые велись в 1477 г. в городе Авила между альхамой иудеев, представлявшей сторону кредиторов, и заемщиками в лице консехо и жителей города и его земли.

На материале соответствующей королевской грамоты, в статье излагаются обстоятельства дела, приводятся показания сторон конфликта, а также королевское решение, вынесенное по рассмотрении поданных в королевский суд обращений. Также в статье дается подробный анализ источника и предпринимается попытка реконструировать последовательность событий, мотивы и стратегии сторон.

Автор показывает, что отношения иудеев и христиан в сфере кредитования были существенным элементом социальной, экономической и политической жизни королевства. Данные отношения сопровождалась спорами, взаимными обманами, нарушениями прав и т. д. Однако, несмотря на сопутствующие конфликты и противоречия, решение которых было доступно посредством обращения к правовым инструментам, обнаруживается устойчивая заинтересованность сторон – иудеев, христиан, а также королевской власти – в продолжении данных отношений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Кастильское королевство, кредитно-долговые отношения, ростовщичество, долговые контракты, иудео-христианские отношения.

ВВЕДЕНИЕ

Известно, что XV в. для иудейского населения Пиренейского полуострова и Кастильского королевства, в частности, совершенно справедливо может быть временем кризиса, проявившегося на всех уровнях и во всех сферах жизни. Изучение данного периода истории пиренейских иудеев и, прежде всего, иудео-христианских отношений – задача сложная, особенно потому, что существует соблазн построения ретроспективных аналитических конструкций, неизбежно учитывающих наше знание о том, что в 1492 г. иудеи были изгнаны из Кастилии и Арагона, а в 1496 г. – из Португалии. Исследователи по-разному интерпретируют сохранившиеся свидетельства о характере и формах взаимодействия иудеев и христиан, росте отстраненности (по большому счету, создаваемой искусственно) между ними, о многочисленных и, порой, продолжительных конфликтах и т. д. Одни авторы акцентируют свое внимание на негативном опыте иудео-христианского взаимодействия (часто усугубляя его негативность собственными интерпретациями) [1, 2], другие, наоборот, ставят перед собой задачу развенчать миф о том, что изгнание иудеев было закономерным итогом последовательного ухудшения положения иудейского населения [3]. В свою очередь приступая к изучению проблемы иудео-христианского взаимодействия, мы намеренно предлагаем обратиться к одной из наиболее конфликтных сфер взаимодействия кастильских иудеев и христиан – сферы долговых отношений и кредитования.

Обозначенную тему мы разберем на примере одной ситуации, имевшей место в 1476–1477 гг. в кастильском городе Авила и его земле. В качестве источника мы обратимся к королевской грамоте, изданной королями Фернандо и Изабеллой (1474–1504) 15 декабря 1477 г. в связи долговыми спорами, которые велись между кредиторами-иудеями их должниками в лице консехо (т. е. городского совета) и жителей города и близлежащих поселений. Этот документ интересен тем, что в нем приведен текст двух петиций, поступивших в королевскую курию: первая была составлена альхамой (т. е. общиной) иудеев Авилы, а вторая была подана от имени консехо и жителей города и его округа. Благодаря такой структуре королевского акта у нас есть возможность увидеть, как разворачивался спор между кредитором и заемщиком в Кастилии XV века.

1. ДОЛГОВЫЕ СПОРЫ В АВИЛЕ: ПОКАЗАНИЯ СТОРОН И КОРОЛЕВСКОЕ РЕШЕНИЕ

Изложим основное содержание грамоты. В ней указывается, что для рассмотрения в королевском совете была представлена петиция иудеев Авилы, основной смысл которой сводился к тому, что альхама изо дня в день терпела убытки и тяготы в связи с постановлением кортесов в Мадригале 1476 г., утвердившим «чтобы ни один христианин, иудей или мусульманин не давал ни денег, ни другой какой-либо вещи с выгодой и в рост» [4, Р. 151].

Иудеи сообщали, что, когда до их сведения было доведено решение Кортесов 1476 г., они приняли, уже сами, внутри общины, сентенцию, также запрещавшую ее членам заниматься кредитованием в рост, «дабы королевский закон исполнялся лучшим [образом]» [4, Р. 151]. После чего консехо, т. е. городской совет, и «добрые люди» Авилы и ее земли, узнав о содержании постановления кортесов, а также об издании сентенции альхамой, посчитали, что – со слов иудеев, – предусмотренный этими документами запрет взимания процентов «наносил ущерб городу», поскольку если бы зафиксированные в них правила исполнялись, ни консехо, ни жители города не имели бы возможности «помочь себе» в уплате разного рода налогов, податей и взносов в пользу королей, например, на войну с Португалией (имеется в виду война за кастильское наследство 1475–1479 гг. [5]), на конных и пеших людей, которых Авила должна была направить на королевскую службу, а также на Эрмандаду [6]. Поэтому консехо Авилы под угрозой штрафов потребовал, чтобы иудеи, несмотря ни на постановление кортесов в Мадригале 1476 г., ни на решение самой альхамы, одолжили «с выгодой» свои деньги («que <...> prestase sus dineros a ganancia»). Получив, очевидно, согласие иудейской стороны, представитель консехо Авилы довел все обстоятельства дела до сведения королей и добился от них грамоты, дающей разрешение иудеям предоставить деньги «с выгодой <...> как во времена сеньора короля дона Хуана (т. е. кастильского короля Хуана II – И.Б.), нашего отца <...> исполнялось и обыкновенно делалось». Заручившись таким образом поддержкой и одобрением королевской власти, кредиторы-иудеи заключили с консехо и жителями Авилы и ее земли долговые сделки, предоставив им большие суммы денег, «дабы, по большей части, помочь им в вещах, предназначенных для нашей (т.е. королевской – И.Б.) службы». Однако после того, как деньги были получены и использованы для уплаты налогов и сборов, консехо и жители города и земли стали отказываться от уплаты не только процентов по займам, но и основной их суммы («non solamente las ganancias mas aun el principal non les quieren pagar»), ссылаясь при этом, что хотелось бы особенно отметить, на постановление кортесов в Мадригале 1476 г., а коррехидор (должностное лицо, назначаемое королями для надзора за местными властями и судьями) и судьи города, не выслушав иудеев и не проверив долговые контракты, объявили, что эти контракты недействительны как ростовщические. Весь город, таким образом, поднялся против иудеев, а сами они были вынуждены кто бежать из собственных домов, кто терпеть несправедливости и унижения. Потому, дабы альхама вовсе не пришла в нестроение и не обезлюдела, иудеи попросили у королей грамоту, которая бы предписывала следующее «средство справедливости»: во-первых, обязать должников в полной мере выполнить свои долговые обязательства (т.е. выплатить и основную сумму, и проценты); во-вторых, аннулировать все действия уполномоченных судей, в частности, коррехидора, изъяв из их компетенции рассмотрение данных долговых споров [4, Р. 151–153].

Далее по тексту рассматриваемой грамоты следовало изложение петиции консехо и жителей Авилы и ее земли. Скажем сразу, что очевидным образом под жителями Авилы и ее земли следует понимать именно христиан. Если бы речь шла о коллективном иске, поданном христианами и, например, мусульманами, также проживавшими в авильских землях, в документе были бы употреблены обозначения «христиане» и «мусульмане», но не обобщенное «жители»; не говоря уже о том, что у консехо Авилы едва ли были полномочия для того, чтобы представлять интересы альхамы мусульман.

Итак, в петиции говорилось, что в связи с великими бедами, которые жители Авилы и ее земли терпели из-за ростовщических контрактов и больших долгов, вмененных им иудеями, короли издали грамоту с назначением коррехидора Авилы Хуана дель Кампо ответственным за “исполнение справедливости”; ему надлежало разобраться в сложившейся в городе ситуации и, действуя в соответствии с определенными законами, ордонансами и прагматиками, найти должное ей решение. В деле он разобрался и признал заключенные с иудеями долговые контракты, а также иные документы, подкрепляющие обязательства заемщиков, недействительными и подлежащими аннулированию. Однако окончательно ситуация урегулирована не была, жители, таким образом, оставались без “исполнения справедливости”, и, если бы так продолжалось и впредь, городу грозил бы ущерб и упадок вплоть до запустения. Потому в свою очередь консехо и жители попросили королей вмешаться и решить дело в их пользу. В их петиции не было прямо сформулировано, как именно они себе это представляли, но вероятнее всего, они ожидали, что короли подтвердят действие постановления кортесов в Мадригале 1476 г., и стало быть, заключенные с иудеями долговые контракты будут аннулированы как ростовщические, а все долги будут списаны автоматически [4, Р. 153–154].

Получив эти петиции короли Фернандо и Изабелла создали совет и приняли решение распорядиться следующим образом (процитируем текст *dispositio*): “<...> было решено, что мы должны приказать даровать нашу грамоту альхаме и ее добрым людям иудеям, с тем чтобы им было выплачено все, что на самом деле обнаружится (*verdaderamente pareçiere*) и вышеназванное (*cosas suso dichas*) в отношении упомянутых займов [за] названные годы, <...>, поскольку иудеи их предоставили, будучи к тому принужденными и во служение нам, как в прошедшем [14]76, так и в этом [14]77 годах; и отменяем какие-либо сентенции, которые против этого были даны названным коррехидором и назначенными судьями в том, что касается упомянутых займов, осуществленным по названным причинам; и [приказываем], чтобы далее во всех других случаях соблюдался закон и постановление, изданное нами на кортесах в <...> Мадригале” [4, Р. 154].

2. ДОЛГОВЫЕ СПОРЫ В АВИЛЕ: АНАЛИЗ ИСТОЧНИКА

Теперь, ознакомившись в общих чертах с содержанием грамоты, попробуем реконструировать последовательность описанных в ней событий.

Итак, 26 апреля 1476 г. было издано постановление кортесов в Мадригале, одна из статей которого задавала регламент долговых отношений, в частности предусматривала ответственность кредиторов за ростовщичество [7]. Вскоре (учитывая, что место проведения кортесов, вилья Мадригаль, входила в состав авильской территории) весть о его издании была доведена до сведения жителей Авилы и ее земли, в том числе до членов иудейской альхамы. После чего власти альхамы запретили членам общины предоставлять займы в рост, причем очевидно, что речь шла о долговых отношениях с не-иудеями. Уже упоминалось, что – согласно иудейской петиции – названная сентенция была издана для того, чтобы наилучшим образом соблюсти “закон Мадригала”. Вероятно, в какой-то степени так оно и было. Однако складывается впечатление, что данный ход, предпринятый альхамой, по сути своей означал ни что иное, как отказ от предоставления каких-либо займов вообще; на эту мысль нас наводит, в частности, фраза, приведенная в петиции иудеев, гласящая, что «...если бы названное постановление и сентенция должны были соблюдаться, [консехо и жители города] не обнаружили бы [ничего], чем [могли бы] себе помочь» [4, Р. 152]. Вполне вероятно, что со стороны иудеев это был продуманный, грамотно выстроенный шантаж, цель которого состояла в том, чтобы спровоциро-

вать потенциальных заемщиков на такую реакцию, которая бы отвечала интересам кредиторов-иудеев. И такая реакция последовала. Консехо Авилы потребовало от представителей альхамы одолжить суммы в рост, нарушив таким образом и постановление кортесов, и названную сентенцию; затем, вероятно, вступило с альхамой в переговоры об условиях, на которых кредиторы из числа иудеев согласились бы заключить с жителями города и его земли кредитные сделки; и в итоге запросило у королей одобрение главного из названных условий – права авильских иудеев взимать выгоду с кредитных сделок, которым авильская община пользовалась со времен короля Хуана II.

Справедливости ради скажем, что подобный случай договоренности между городом и альхамой не был уникальным. Так, в 1326 г. иудеи Куэнки, недовольные тем, что им нужно ограничиваться взиманием всего 25 % в год с кредитных сделок (до 1348 г. взимание процентов с кредитных сделок было допустимо в размере установленной законом ставки [8, 9]), вовсе отказались занимать какие-либо суммы. Тогда консехо города, дабы избежать вероятного ущерба от отсутствия доступа к иудейским кредитам, обратился к альхаме с предложением договориться о приемлемых для обеих сторон условиях. В итоге займы были даны под 40% годовых [10, Р. 139].

Но вернемся к анализу авильской ситуации. Изложенные обстоятельства дела ставят перед нами несколько вопросов. В частности, существовала ли в Авиле на тот момент альтернатива иудейским кредитам? Если судить по материалам рассматриваемого дела, складывается впечатление, что такой альтернативы не было. Однако массив документальных источников авильского происхождения позволяет с уверенностью сказать, что помимо кредиторов-иудеев жители Авилы и близлежащих территорий могли обратиться и активно обращались к христианам, которые также занимались предоставлением сумм в долг [11]. На самом деле, конфликт между альхамой и жителями не был единственным измерением долговых споров в Авиле в 1476–1477 г., поскольку в качестве кредиторов в королевской документации фигурировали «некоторые лица» (очевидно, христиане), которые также, как и иудеи, получили от королей разрешение предоставить займы в рост [12, Р. 10], и которым также пришлось столкнуться с обвинениями в ростовщичестве и отказом выполнять обязательства по долговым контрактам. Иными словами, при том, что имелась альтернатива долговым отношениям с кредиторами-иудеями, такие отношения были востребованы, а перспектива их прекращения оценивалась как возможная причина убытков и нестроений.

Теперь обратим внимание на “обычай”, на основании которого авильские иудеи претендовали на взимание процентов с кредитных операций. То, что такой “обычай” существовал, до известной степени странно, особенно учитывая тот факт, что с 1348 г., после издания постановления кортесов в Алькале-де-Энарес [13, РР. 531–534], в землях Кастильского королевства действовал запрет ростовщичества, и взимание каких-либо процентов и выгод по долговым следкам было достаточным основанием для аннулирования сделки. Разумеется, данный запрет, во-первых, действовал не повсеместно (в частности, в сеньориальных владениях долговые отношения могли воспроизводиться по иным правилам [14, РР. 716–717]), во-вторых, мог нарушаться (и нарушался) в частном порядке. Однако в случае с Авиллой очевидно, что на протяжении какого-то времени, по всей видимости, со времени правления короля Хуана II (1406–1454), предоставление займов в рост иудеями жителям города и его земли было обычной практикой, такое положение вещей не скрывалось с помощью различных махинаций с оформлением контрактов [15], но использовалось открыто и, видимо, принималось всеми сторонами отношений.

Не совсем ясны основания подобного “обычая”. Ведь до известной степени если бы члены альхамы открыто давали деньги в рост, ничего не мешало обвинить их в ростовщичестве, добиться аннулирования сделок и назначения меры ответственности для самих нерадивых кредиторов – потери прав на предоставленные в заем суммы, а также конфискации половины имущества в пользу казны [14, РР. 716–717]. Возможно, что в годы правления короля Хуана II, и, вероятно, не без участия влиятельнейшего фаворита короля и покровителя иудеев Альваро де

Луны [16], альхама Авилы, которая являлась одной из наиболее влиятельных и многочисленных иудейских общин Кастилии [17, 18], действительно могла получить некую привилегию, дающую тем членам общины, которые предоставляли займы населению города и его земли, прежде всего, христианам, право взимать выгоду с кредитных операций.

О том, что прежде альхама действительно располагала некоей привилегией, освобождавшей ее членов от обязанности соблюдать нормы антиростовщического законодательства, на наш взгляд, может свидетельствовать, например, издание альхамой упомянутой сентенции. Возникает вопрос, зачем понадобилось, во-первых, подтверждать действие постановления кортесов в Мадригале, которое, будучи дарованным именем короля, едва ли нуждалось в дополнительном подтверждении без всякой на то надобности; во-вторых, зачем потребовалось издавать специальный акт, который, строго говоря, воспроизводил правило, действовавшее к тому моменту уже более столетия, и, что особенно замечательно, почему названные документы – постановление кортесов 1476 г. и сентенция альхамы – создали в городе ситуацию возможного дефицита кредитных ресурсов и спровоцировали такую реакцию со стороны консехо и жителей города? Ведь, строго говоря, данные акты запрещали только ростовщичество, но не долговые отношения как таковые, и жители Авилы могли на законных основаниях попросить от иудеев беспроцентных кредитов. Вероятно, действительно, на тот момент правила отношений иудеев и жителей Авилы (прежде всего, христиан) воспроизводились по иным, не во всем согласующимся с общекоролевским законодательством, правилам.

Вместе с тем, обращает на себя внимание то обстоятельство, что от иудейской стороны в качестве актора на данном этапе отношений выступают не только, и, пожалуй, не столько частные лица, кредиторы-иудеи, сколько альхама в целом. Возможно, альхама централизованно вмешалась в ситуацию именно потому, что необходимость соблюдать постановление кортесов в Мадригале 1476 г. ее членами была проинтерпретирована как нарушение «обычных» для иудеев и жителей Авилы и ее земли в целом правил долговых отношений. Но в таком случае логично задать вопрос, почему они просто не обратились к королям с тем, чтобы эта привилегия была подтверждена и была оставлена или для них восстановлена [4, Р. 83, 97, 106, 125]? Можно, однако, предположить, что именно так иудеи и поступили, но сделали это не напрямую, а через консехо, которое как раз и добилось восстановления прежних условий кредитно-долговых отношений между иудеями и жителями города Авилы.

Итак, договоренность между альхамой иудеев и консехо Авилы была достигнута, сделки заключены и оформлены (разумеется, с учетом главного условия – возможности получения кредиторами процента с операций), а займы предоставлены. После чего заемщики стали отказываться от выполнения своих обязательств по долговым контрактам, обозначив их ростовщическими и приведя в качестве подкрепляющего такую позицию аргумента правовой акт, который незадолго до этого сами же настоятельно просили (и альхаму, и королей) не учитывать в данной ситуации, а именно постановление кортесов в Мадригале 1476 г.

Иными словами, консехо и горожане нарушили достигнутые с иудейской общиной договоренности. В этой связи фраза петиции иудеев о том, что альхама терпит убытки и тяготы в связи с постановлением названных кортесов, может быть прочитана двояко. С одной стороны, издание постановления кортесов и, что важнее, необходимость соблюдать закрепленные в нем правила долговых отношений, действительно наносило ущерб кредиторам-иудеям, имевшим на тот момент “обычай” предоставлять займы именно в рост, и задавало перспективу для многочисленных тягот. С другой же стороны, взаимосвязь между постановлением кортесов и ущербами и тяготами альхамы, как можно убедиться при внимательном рассмотрении ситуации, имела более сложную структуру, и суть проблемы состояла не в постановлении самом по себе, и не в правилах, которые им закреплялись, но в том, что противная сторона конфликта претендовала на то, чтобы именно эти правила применялись к ситуации, которая изначально строилась без их учета и с опорой на иные акты и иные условия.

Однако консехо и жители Авилы должны были корректно оформить свой отказ выплачивать долги. Поэтому они обратились к Фернандо и Изабелле с просьбой издать грамоту с

назначением специального судебного официала, которому бы предстояло ситуацию урегулировать. Данный запрос короли удовлетворили и назначили ответственным коррехидора Авилы Хуана дель Кампо, который, и об этом можно судить на материале обеих петиций, нарушил установленный процессуальный порядок и, не дав кредиторам-иудеям возможность защитить свои интересы в суде, аннулировал все долговые контракты как ростовщические. Подобные действия наталкивают на мысль, что, будучи королевским чиновником и имея контакты с консехо, Хуан дель Кампо мог вполне быть в курсе происходящего и даже находиться в сговоре с представителями городского совета, специально соотнося свои действия и решения с интересами стороны заемщиков. Очевидно, это стало последней каплей, и конфликт между альхамой, консехо, жителями города, а также судебными официальными, в частности, коррехидором Хуаном дель Кампо, из местного суда перешел в пространство суда королевского. Короли же, вновь вникнув в ситуацию, выслушав сначала иудеев, затем христиан, взвесив все «за» и «против», приняли решение поддержать в данной ситуации именно сторону кредиторов и распорядились добиться возмещения не только основных сумм займов, но и предусмотренных долговыми контрактами процентов.

Выскажем некоторые замечания по поводу изложенного.

Так, следует обратить внимание на стратегии основных акторов отношений, прежде всего акторов-персон – альхамы иудеев и ее членов, консехо и жителей города и его земли, королей и судебных официалов. Так, альхама иудеев Авилы, дабы освободиться от обязанности соблюдать антиростовщическое законодательство и восстановить «обычные» для них правила долговых отношений, заняла такую позицию, которая, во-первых, призвана подтвердить статус «добрых людей», законопослушных и лояльных подданных, причем данные характеристики иудеев было призвано подкрепить не только издание названной сентенции с запретом займов в рост, но и согласие альхамы, несмотря на данную сентенцию и само постановление кортесов, предоставить средства, предназначенные прежде всего на уплату тех или иных налогов и взносов, т. е. иудеи потому «добрые люди», что нарушили законодательство не столько ради своей (не только для своей) выгоды, сколько во имя служения королям; во-вторых, названная позиция была, если исходить из высказанных предположений, продумана таким образом, чтобы запрос на суммы под процент исходил от самих заемщиков, тогда как альхама оказывалась бы принужденной к нарушению законодательства.

Что касается стороны заемщиков – консехо и жителей Авилы, то мы уже ставили вопрос о том, почему они приняли условия, выдвинутые кредиторами-иудеями, и согласились на дополнительные расходы по долговым контрактам, имея полное право потребовать предоставления беспроцентных кредитов. Представляется, что за этим решением стоит грамотно выстроенная и не менее грамотно осуществленная стратегия по получению *безвозмездных* займов: заключить с иудеями ростовщические по своей сути контракты, а затем добиться их аннулирования и единовременного списания всех задолженностей именно на том основании, что они ростовщические. Причем на определенном этапе конфликта именно данная стратегия оказалась успешной.

Однако при всех очевидных различиях стратегий иудеев и консехо и жителей, между ними можно обнаружить и столь же очевидные сходства. Так, и иудеи, и консехо (от своего лица и от лица жителей города и земли) на всех этапах отношений для отстаивания своих интересов пользовались правовыми инструментами: издавали или добивались издания и составления правовых актов (сентенций, королевских грамот, контрактов) и подводили, таким образом, правовую основу под все свои действия (даже если эти действия по сути своей были правонарушениями), решали возникшие разногласия в судебном порядке и т. д. Причем, что важно, доступ к правовому инструментарию имели обе стороны отношений.

Сходство стратегий проявляется также при детальном анализе юридической риторики петиций. Так, обе стороны строили описание ситуации таким образом, чтобы, во-первых, сфокусировать внимание на тех обстоятельствах, которые бы характеризовали их как законопослушных подданных; во-вторых, выставить все действия противной стороны как противоправные. Строго говоря, отличие петиций состоит не в том, что они расходятся в фактах, но именно

в расстановке акцентов, высвечивании одних обстоятельств и утаивании других. Например, в своей петиции консехо и жители города и земли Авилы не упомянули ни о сентенции альхамы, ни о договоренности, ни о подкрепившей договоренность королевской грамоте, начав рассказ сразу с обстоятельств, связанных с судебными разбирательствами (видимо, авторы петиции понимали, что перечисленные обстоятельства несколько не согласуются с их намерением изобразить себя в роли обманутых бедных людей), тогда как представители иудейской стороны, наоборот, основное внимание уделили именно разъяснению событий, предшествовавших заключению долговых сделок.

Кроме того, и в петиции альхамы, и в петиции консехо и жителей были использованы одни и те же *риторические* выражения. Так, обе стороны настаивали на том, что все их действия были продиктованы не столько личными мотивами и интересами, сколько стремлением как можно лучше послужить на благо королей, используя, таким образом, аргумент служения королю в качестве подкрепления и в какой-то степени оправдания своих действий [19].

Описываемые события, помимо всего прочего, предельно четко обнаруживают устойчивую взаимосвязь между кредитами и задолженностями с одной стороны, и налогами [12] – с другой, но в контексте нашего исследования особенно важно то, что сами стороны конфликта осознают эту взаимосвязь и в зависимости от собственных интересов так или иначе акцентируют на ней свое внимание.

Кроме того, обозначенное нами сходство стратегий состоит в том, что оба актора в своих петициях моделируют одинаковые ситуации в случае, если конфликт не будет урегулирован – нестроение, разорение и опустение (альхамы или города и его земли, в зависимости от того, о чьей петиции идет речь), а стало быть и ущерб для королевской казны, используя, таким образом, аргумент служения королю не только как инструмент легитимации действий, но и как инструмент давления. Все эти «маневры» безусловно требуют определенного уровня правовой культуры, которому и консехо (как представитель интересов авильских должников) и альхама очевидным образом обладали.

О стратегии судебных официалов, прежде всего, коррехидора Авилы Хуана дель Кампо, можно сказать то, что она, намеренно или нет, была согласована исключительно с интересами стороны должников, и потому была заведомо проигрышной, так как все акторы-персоны ситуации, должно быть, отдавали себе отчет в том, что решение коррехидора, вынесенное с нарушением заведенного процессуального порядка, может быть и будет оспорено иудеями, что в конечном итоге и произошло.

Наконец, стратегия королевской власти в данной ситуации задавалась исключительно ее собственными, прежде всего фискальными, интересами на всех этапах – на этапе издания постановления кортесов, предоставления королевской грамоты, издания грамоты с назначением Хуана дель Кампо ответственным за урегулирование долговых споров, наконец, на этапе личного вмешательства в ситуацию и формулирования должного по ее, королевской власти, мнению решения.

Отметим также, что описанный конфликт в Авиле имел два измерения. Во-первых, это был конфликт между акторами-персонами – контрагентами сделок, альхамой и консехо Авилы, альхамой и судебными официальными, в частности, названным коррехидором; за пределами конфликтной зоны осталась только королевская власть. Во-вторых, авильский конфликт может быть прочитан как конфликт акторов-документов, прежде всего, постановления кортесов в Мадригале 1476 г. и уже не раз упомянутой королевской грамоты, разрешавшей предоставление займов под процент. То есть, если в первом случае речь идет о конфликте прав, интересов, полномочий и др., во втором имеется в виду конфликт приоритетов одного правового акта над другим.

Проблема противоречия отдельных королевских грамот содержанию иных актов – привилегий, фуэро, а также постановлений кортесов неоднократно выносилась на обсуждение представителями сословий и городов [13, Р. 125, 149, 153, 171, 203, 237–238, 252–253], причем на каждое такое обращение монархи отвечали подтверждением приоритета перечисленных актов

над королевскими грамотами. Иными словами, если исходить из данной логики, получалось, что даже при том, что договоренность между альхамой и консехо Авилы была скреплена соответствующим актом королей, необходимость соблюдать постановление кортесов в Мадригале в любом случае оставалась действительной именно на основании обозначенного приоритета. Учитывали ли данное обстоятельство акторы-персоны рассматриваемых долговых отношений? Альхама иудеев, вероятно, нет, как, собственно говоря, вероятно, сами короли. Консехо же (от своего лица и от лица жителя Авилы и ее земли), вероятно, пошли на соглашение с иудеями и приняли очевидно невыгодные для них условия (что уже само по себе могло бы навести на мысль о возможном блефе с их стороны) именно потому, что ими были просчитаны варианты, посредством которых они, как уже говорилось, могли бы получить займы и на законных основаниях освободиться от обязательств по выплате не только процентов, но и основных сумм. И возможно, что момент приоритета постановлений кортесов над королевскими грамотами также мог рассматриваться ими как подходящее основание для подобных претензий, хотя, надо признаться, что явным образом в изложении текста соответствующей петиции этот аргумент представлен не был. С определенной степенью уверенности можно сказать одно: и сторона иудеев, и сторона консехо и жителей проявила в данной ситуации завидную предприимчивость и смекалку, употребив доступные им ресурсы на то, чтобы обмануть другого и нажиться за его счет, при этом формально действуя на основании права. Причем было бы логичным предположить, что решение возникшего конфликта должно было быть вынесено в пользу консехо и жителей города и земли.

Тем не менее, короли при вынесении своего решения, очевидно, приняли во внимание доводы, приведенные альхамой. Именно представленная в их петиции сборка обстоятельств – манифестированное нежелание иудеев давать займы в рост (читай – не давать займы вообще), настойчивые требования консехо города (вероятно, оформленные документально), а также то, что суммы, взятые у кредиторов-иудеев под проценты, пошли в счет уплаты тех или иных налоговых сборов – сработала и стала основой для *dispositio*. Однако показательно, что в своем распоряжении короли избегают использовать понятия «рост» или «выгода» для обозначения процентов, вместо этого употребляя, по сути, неопределенную формулу «названное выше».

Было бы ошибкой думать, что короли при вынесении решения в авильском деле признали действие лишь того документа, который был издан ими в ответ на прошение консехо и в котором разрешались займы под проценты, в то время как постановление кортесов в Мадригале 1476 г. они, наоборот, проигнорировали, вынеся его действие «за скобки» обсуждаемых долговых споров. При внимательном анализе источника становится ясно, что оба правовых акта, и королевский документ, и постановления кортесов, были в королевском распоряжении учтены, правда, в разной степени. Так, постановление кортесов в Мадригале «срабатывает», во-первых, за счет признания королями права иудеев заключать контракты с христианами (данное право подтверждалось за иудеями именно данным постановлением [7, С. 51–52]), во-вторых, через включение в текст распоряжения формулы, приведенной в постановлении – «*verdaderamente paresçiese*» – для обозначения основных сумм, которые подлежат возмещению должниками Авилы кредиторам-иудеям. Иными словами, королевское решение регулировало конфликт сразу на двух уровнях – и на уровне противоречий между акторами-персонами (контрагентами сделок, альхамой и консехо, альхамой и коррехидором Хуаном дель Кампо), и на уровне противоречия акторов-документов.

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ

Рассмотренная в настоящем исследовании ситуация высвечивает ряд принципиальных моментов, характеризующих долговые отношения иудеев и христиан в Кастилии в конце XV в.

Во-первых, долговые отношения иудеев и христиан в обозначенный период регламентировались рядом правовых актов, в частности, постановлением кортесов в Мадригале 1476 г., подтверждавшим запрет ростовщичества и взимания какой-либо выгоды, в частности, с кредитных операций. И хотя законодательная база долговых отношений заемщиков и кредиторов и

была призвана защищать интересы и тех, и других, она не всегда была эффективной, провоцируя такие ситуации, при которых и одна, и другая сторона отношений могли оказаться в уязвимом положении.

Во-вторых, несмотря на действие антиростовщического законодательства, в кастильском правовом пространстве имелись и функционировали иные правила отношений, допускавшие ростовщичество, а кроме того, такие правила могли не только устанавливаться кредиторами в частном порядке, порой, без ведома другой стороны сделки, но санкционироваться самой королевской властью.

В-третьих, рассматриваемые отношения сопровождались конфликтами и противоречиями. И иудеи, и христиане, в зависимости от собственных интересов, могли по-своему интерпретировать правила и суть долговых отношений, создавать друг для друга заведомо невыгодные условия сделок, в одностороннем порядке разрывать зафиксированные документально договоренности и отказываться от выполнения своих обязательств.

Тем не менее, существовали и были доступны (причем, вне зависимости от общинной и религиозной принадлежности) правовые инструменты, с помощью которых стороны конфликта могли представить свои интересы и, что важнее, добиться от власти, местной или верховной, той или иной реакции. На местном уровне долговые тяжбы, особенно, если речь шла о многочисленных или коллективных исках, как в случае со спорами в Авиле, часто не находили компромиссного решения, и их рассмотрение переносилось в королевский суд. Со своей стороны, королевская власть, которой приходилось часто вмешиваться в долговые споры вообще, и споры между иудеями и христианами в частности, принимала прежде всего прагматические решения: то есть такие, которые бы позволяли соблюсти до известной степени баланс интересов всех акторов, отдавая при этом, приоритет, разумеется, своим собственным интересам – соблюдению законов и королевских прав.

Однако, несмотря на все очевидные сложности и риски, долговые отношения иудеев и христиан и отношения в сфере кредитования, в частности, были востребованы всеми сторонами – и иудеями, и христианами, и королевской властью, и являлись необходимым, что важно, естественным элементом социальной, экономической и административной жизни кастильского общества.

Даже на примере одного частного случая видно, что иудео-христианские отношения в конце XV в. представляли собой сложное явление, не укладывающееся в однозначные историографические модели. Положение кастильских иудеев в конце XV в., несмотря на очевидное ущемление в политических правах, не было исключительно ущербным или бесправным по сравнению с положением христиан. Наличие конфликтов между иудеями и христианами само по себе не является достаточным основанием для того, чтобы говорить о том, что каждый такой конфликт неизбежно приближал изгнание. Важно скорее то, была ли потребность в урегулировании конфликтов, в взаимодействия, учитывались ли в условиях этого взаимодействия – хотя бы номинально – интересы обеих сторон, гарантировались ли эти интересы королевской властью. На наш взгляд, иудео-христианские отношения в области кредитования в 70-е гг. XV столетия регулировались на самых разных уровнях: при помощи королевских пожалований, общекоролевских установлений, судебных решений, а королевская власть во вполне традиционном, еще средневековом духе, брала на себя роль арбитра и гарантировала иудеям справедливость. Тем более загадочными представляются причины рокового решения 1492 г., которое должно было положить конец всякому – продуктивному ли, конфликтному ли – взаимодействию иудеев и христиан Кастилии.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Baer Y. History of Jews in Christian Spain. Vol. 2. Jewish Publication Society of America, Philadelphia. 1961. 537 p.
2. Netanyahu B. The Origins of the Inquisition in Fifteenth-Century Spain. New York Review Books, New York. 1995. 1384 p.

3. Meyerson Mark D. *A Jewish Renaissance in Fifteen-Century Spain*. Princeton University Press, Princeton, N.J., 2004. 272 p.
4. Suárez Fernandez L. *Documentos acerca de expulsion de los judios*. Valladolid: Consejo Superior de Investigaciones Científicas, 1964. 564 p.
5. Carrasco Manchado A.I. *Isabel I de Castilla y la sombra de la ilegitimidad*. Madrid: Sílex, 2006. 556 p.
6. Ведюшкин В.А. *Испанские Эрмандады // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Extra muros: город, общество, государство. Т. 4. М., 2000. С. 158–167.*
7. Билецкая И.В. *Законодательная регламентация кредитно-долговых отношений иудеев и христиан в Кастилии XV в. // Клио. СПб., 2023. № 2 (194). С. 48–53.*
8. Colombo O. *La negociación en torno a la usura en Castilla, 1258-1405. Economía, poder y religión en la Baja Edad Media // Anales de la Universidad de Alicante: Historia medieval. Universidad de Alicante. 2003–2006. № 14. PP. 85–110.*
9. Crespo Álvares M. *Judíos, prestamos y usuras en la Castilla medieval. De Alfonso X a Enrique III // Edad Media: revista de Historia. Universidad de Valladolid. 2002. № 5. PP. 179–215.*
10. Amador de Los Rios J. *Historia social, política y religiosa de los judíos de España y Portugal*. Madrid, 1876. Vol. 2.
11. Colombo O. *Los dueños del dinero. Prestamistas abulenses a mediados del siglo XV // Espacio, Tiempo y Forma. Serie III, Historia medieval, 2016. № 29. PP. 249–277.*
12. Colombo O. *¿Por qué el campesino se endeuda? El significado de la usura medieval (Castilla, siglo XV) // Sociedades Precapitalistas. 2015. Vol. 5. № 1. PP. 1–20.*
13. *Córtes de los antiguos reinos de León y Castilla*. Madrid, 1861. Vol. I.
14. *Córtes de los antiguos reinos de León y Castilla*. Madrid, 1861. Vol. III.
15. Arquero Caballero G. *Si dio a usura pública o secretamente: aproximación a la usura en los manuales de confesores de la Castilla Bajomedieval // Baetica. Estudios de Arte, Geografía e Historia. 2014–2015. № 36-37. PP. 157–179.*
16. Castaño González J. *Las aljamas judías de Castilla a mediados del siglo XV: la Carta Real de 1450 // En la España Medieval. 1995. № 18. P. 181–203.*
17. Tapia S. de. *Los judios de Ávila en vísperas de la expulsion // Sefarad. 1997. № 57 (1). PP. 135–178.*
18. Ruiz T.F. *Families and neighborhoods: Jews and conversos in late medieval Avila // Dimensões: Revista de Historia de Ufes. 2021. № 46. PP. 156–175.*
19. Somoza T. *Los pecheros y la monarquía: la noción de “servicio al rey” en los conflictos abulenses del siglo XV // Calamus. Revista de la Sociedad Argentina de Estudios Medievales. 2018. Vol. 2. P. 221–237.*

**CREDIT DISPUTES IN AVILA 1477 IN THE CONTEXT OF
DEBT RELATIONS BETWEEN JEWS AND CHRISTIANS IN XV CENTURY CASTILE**

Biletskaya I.V.

Lomonosov Moscow State University

ABSTRACT

This article is devoted to the study of the problem of debt relations between Jews and Christians in Castile at the end of the XV century on the example of debt disputes that were conducted in 1477 in the city of Avila between the alhamah of Jews, representing the side of creditors, and borrowers represented by Consejo and residents of the city and its land.

Based on the material of the relevant royal charter, the article sets out the circumstances of the case, provides the testimony of the parties to the conflict, as well as the royal decision made on the consideration of appeals submitted to the royal court. The article also provides a detailed analysis of the source and attempts to reconstruct the sequence of events, motives and strategies of the parties.

The author shows that the relationship between Jews and Christians in the field of lending was an essential element of social, economic and political life. These relations were accompanied by disputes, mutual deceptions, violations of rights, etc. However, despite the accompanying conflicts and contradictions, the solution of which was available through recourse to legal instruments, there is a stable interest of the parties – Jews, Christians, as well as the royal power – in these relations.

KEYWORDS

Kingdom of Castile, credit and debt relations, usury, debt contracts, Judeo-Christian relations.